

ВИКТОР СЕСЕЙКИН

ВРЕМЯ РАДОВАЛО НАС

Виктор Сесейкин

**ВРЕМЯ РАДОВАЛО НАС.
Очерки и рассказы**

«Издательские решения»

Сесейкин В.

**ВРЕМЯ РАДОВАЛО НАС. Очерки и рассказы / В. Сесейкин —
«Издательские решения»,**

ISBN 978-5-00-503100-6

Сборник автобиографических рассказов, художественное повествование на документальном материале. Отраженные в нем события охватывают период с 1941 по 70-е гг. XX века. Многолетний опыт работы журналистом позволил автору придать фактам собственной жизни историческую перспективу, увидеть в частных случаях отголоски эпохальных событий. Полет и жажда жизни врываются в неспешный повествовательный ритм и заражают читателя неиссякаемой энергией и внутренней свободой.

ISBN 978-5-00-503100-6

© Сесейкин В.
© Издательские решения

Содержание

Война	6
Солдат войны	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ВРЕМЯ РАДОВАЛО НАС

Очерки и рассказы

Виктор Сесейкин

© Виктор Сесейкин, 2019

ISBN 978-5-0050-3100-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война

В этот день почему-то заработали висевшие на стене репродукторы, и мы услышали слово «война». Я сразу же выскочил из дома с радостным криком: «Ура, война!», но, поскольку город был пуст, а нам, ребятам, надо было срочно делиться радостью, мы вспомнили, что на берегу реки Ингула, с берегов которой со стапелей сходили большие корабли – линкоры и другие военные корабли высшего класса – будут люди, и побежали на берег, зная, что там будет с кем разделить радость. По воскресеньям там, на вбитых в метрах пятнадцати от берега подмостках, спал после небольшого похмелья дядя Микита – клепальщик завода им. 61-го расстрелянного комиссара. Поскольку он был клепальщиком, он был несколько глуховат, и нам пришлось по несколько раз кричать: «Дядь Микита, война!» и кидать в него камешки. Он же отвечал: «Хлопци, не шуткуйте, яка ж война? Мы ж с нимцами пакт заключили, только вчера в Германию ушёл танкер», но мы все кричали свое, и он наконец нам поверил: как был в трусах, бросился в воду и поплыл к берегу. Мы же бросились в уже просыпающийся город смотреть карту – через сколько мы будем воевать в Берлине. По-нашему выходило, что дня через четыре. Но оказалось все наоборот: это немец через четыре дня пришел в наш родной город Николаев. А мы в это время пели песню: «Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, тебе, родная наша армия, шлет наша Родина привет», и мы ждали нашу победоносную Красную армию. Но мы не знали того, что уже в немецком плену было больше двух миллионов бойцов нашей доблестной Красной армии, мы ещё ждали, что на помощь к нам придёт с Дальнего Востока знаменитая Особая Краснознамённая Дальневосточная армия под командованием нашего прославленного маршала Блюхера, который в эти дни получил первый только что учреждённый новый орден Боевого красного знамени за номером один. Но мы не знали, впрочем, как и всего остального, что маршала Блюхера уже нет в живых, что он, насмерть забитый сапогами тюремщиков, уже выкинут с самолёта где-то над Уссурийской тайгой, мы не знали и того, что командный состав прославленных дивизий, бригад уже расстрелян как враги народа. Среди расстрелянных в 1938г. был и муж моей матери, служивший в Дальневосточном военном округе в должности помощника командира 2-й отдельной механизированной бригады по хозяйственной части, носивший на тот момент четыре полковничьи «шпалы». А мама, как жена врага народа, отсидев в тюрьме до 1939 года, была выпущена. Нам, детям, говорили, что мамин муж получил новое звание и отправился дальше служить на Северный флот, а потом, что погиб в начале войны. Только через многие годы мы узнали, что он был расстрелян еще в 38-м году вместе с командным составом.

А мы уже оставляли свой родной город Николаев, спасаясь бегством: в город входили немцы. Мой дядя Саша, он же Александр Васильевич Рябовол, воевал ещё в Первую мировую войну и из-за того, что вывел роту из окружения из непроходимых Пинских болот, был представлен к Георгиевскому кресту. И вот ему поручили собрать и возглавить в Николаеве бригаду народного ополчения. В бригаде могло быть тысячи полторы человек. И он получил приказ двигаться из Николаева в сторону Херсона, а там со всей бригадой переправиться через Днепр.

И мы двинулись в указанном направлении. У нас на телеге были погружены винтовки, немного оружия, поскольку оружия на руках у мирных жителей тогда очень боялись наши власти. Поэтому шли практически без оружия. Когда подошли к Днепру, нам долго не разрешали переправляться на нашу, советскую сторону. Боялись то ли диверсантов, то ли прорыва немцев – на всякий случай боялись всех советских людей. Уходили коммунисты, а простых мирных жителей не выпускали.

Меня успела перехватить по поручению отца моя мачеха, проехавшая почти до Херсона, чтобы забрать меня по месту работы отца в Каракалпакию, в город Нукус. Мы как раз окончили седьмой класс. До добровольного призыва мне оставалось два года. Из них один год я пробыл

комсомольцем-добровольцем на стройке танкового завода в городе Ташкенте, о чём я впоследствии написал в своей повести «Марш энтузиастов». В 1942 году ушёл на фронт мой отец, участвовал в битве под Сталинградом, был демобилизован по ранению. А в 1943 году пошёл воевать я сам. Мне было 17 лет. К этому времени в нашей семье уже погиб муж сестры отца Антонины полковник Павлов, вернулся без ноги её второй муж Евгений Тарасович Пальцев; была бы расстреляна немцами вместе с грудным ребенком родная сестра Евгения Тарасовича, но её успел за секунду до выстрела столкнуть в расстрельную яму стоявший рядом односельчанин. Она сумела выползти из ямы с грудным ребёнком и спастись, но со следующей облавой её взяли и отправили на принудительные работы во французскую зону Германии. После разгрома Германии она познакомилась в концлагере с украинцем, мастеровым человеком. В концлагере в тот момент уже велись разговоры о том, что в СССР возвращаться не стоит, так как здесь всех вернувшихся из оккупации сажают в тюрьмы или отправляют в Магадан. Поэтому они решили ехать в Канаду, где нужны были рабочие руки и куда уже агитировали украинцев. Так они эмигрировали в Канаду, откуда затем перебрались в США, где вырастили детей. Так в нашей семье появились неожиданные американцы.

Солдат войны

Говорят, в допролетарские времена это были конюшни эмира бухарского, а теперь здесь казарма нашей минометной роты запасной стрелковой бригады, куда мы и прибыли в полковую школу. Казарма просторная, из красного кирпича, таким же кирпичом выстланы полы – с ними тоже связана часть нашей армейской жизни: денно и ночью, отбывая наряды вне очереди, мы скребем и чистим их. Хороший кирпич умели делать в далекие времена, сколько его ни скреби – он неизносим, отдраенный нашими саперными лопатками, блестит первородным пожарным цветом.

Во всю длину помещения два ряда сплошных нар, которые разделяются идущими посредине от начала до конца треугольником из досок, это подголовники, заменяющие нам пока подушки, которые, как и матрасники, обещают набить сеном, если привезут. А пока мы спим на тонких однорядных камышовых циновках, подстелив на них тонкие суконные одеяла и накрывшись такими же тощими древними шинелями, или наоборот. Ноябрь. Хоть и Средняя Азия, а холодно.

Наш помкомвзвода старший сержант Матвей Иванович Матюшов, денно и ночью находящийся с нами все недолгие месяцы полковой школы, заменяющий нам всех родных и всех военных начальников, кажется нам совсем невоенным человеком. Учит нас орудовать иглой и ниткой, шилом, кое-где сам подгоняет нам форму. После отбоя советует:

– Вы, ребята, кучней-кучней ложитесь друг к другу, да шинельными рукавами спины да грудки закрывайте поплотней, легкие не застудить бы...

Он лежит первым в ряду, лицом к двери и постоянному посту дневальных рядом. Есть у нас и командир взвода с новенькими лейтенантскими погонами, весь начищенный и отглаженный, существующий вроде вдалеке. Любит изредка на нас отрабатывать свой командирский голос всякими командами, а больше всего любит крутить на турнике всякие спортивные штучки – «солнышко», «скрепки», делать стойки. Он упруг и силен, легко с земли взлетает на перекладину, за это мы зовем его Гимнастом. Он явно любит себя, а нам ближе наш старший сержант, он наш главный радатель, заступник, учитель и батюшка с матушкой. Большой, сутуловатый, с рябоватым послеоспенным лицом и огромными руками-клешнями, ходит с выдвинутым вперед правым плечом, вроде увалень, но все делает быстро и точно, во всем опережая нас. И что удивительно – любая военная техника в его руках собиралась-разбиралась, не теряя ни одного винтика, а у нас все растекалось сквозь пальцы, даже простая винтовка Мосина становилась предметом забот. Но он никогда не ругал нас, был нам как нянька.

Сержант прошел, видимо, все войны: от первой империалистической до Гражданской и всех прочих. Были белоказак, белогвардейцы, была и Монголия с бароном Унгерном, и Китай, и Хасан, и Польша... В общем, перерылов почти и не было. Это был солдат войны.

И вот сержант ходил по казарме и говорил: «Главное, ребята, прикрывайте грудь». Он учил нас, как надевать обмотки, которые у нас вечно падали под нары, разворачиваясь во всю свою змеиную ширину... Он учил нас наматывать портянки, к которым мы поначалу относились презрительно, лишь потом поняв их нужность. Сержант потерял своих двух сыновей где-то на оккупированной Украине, и мы думали, что свои отцовские чувства он отчасти переносит на нас... Но в любом случае никогда больше не встречали мы такого заботливого, человеческого отношения.

За неумелость нас не попрекают и зовут больше по именам: Толик, Санек, Витёк, когда вблизи других командиров нет, при посторонних помкомвзвода крепчает, и мы уже «товарищи бойцы» или «красноармейцы». Можно и его называть и по имени с отчеством, и без, но панибратство пресекается сразу, как и наши попытки подкупить старшего сержанта лестью или подношениями. При этом он говорит так:

– Кого ж ты, глупый, подкупаешь – меня или судьбу свою: винтовку не подготовишь или миномет вкось установишь – так первый выстрел не туда и попадет. Так что тут, ребятки, поблажек не ждите, как есть инструкция – так и выполняй, её до вас поколения солдат своей жизнью писали, в боях опробовали для нас...

Сколько лет сержанту? По нашим прикидкам, он из тех, для нас былинных, лет, когда Брусилов совершал свой прорыв в Первую мировую, когда рубились белые и красные, в степи под Херсоном шел матрос Железняк, развевались бурки и носились тачанки конной Буденного и батки Махно – славных времен, которые мы до армии не единожды примеривали на себя. Он из последнего призывного поколения резервистов, значит, точно последние полста лет мог прихватить и первую мировую, и революцию, и озеро Хасан. Для нас-то учебники школьные давали две войны, ну, ещё была Испания, за которую в СССР переживали все, держали карты, где булавками с флажками отмечали фронты республики и генерала Франко, радостно переживали приходы пароходов к нашим берегам с испанскими осиротелыми детьми и радовались за тех, кто брал их на усыновление. Выспрашиваем сержанта, но он не говорлив. Но вот после полевых учений, когда мы кружком располагаемся вокруг него, смягчает и кое-что рассказывает:

– Мирной, гражданской жизни выходит у меня совсем мало, войны для нас как лихо-радка-малярия: вроде только приступ прошёл, в себя приходишь, а болезнь опять всё злей и злей хватает... Империалистическую прошёл и гражданскую, крови нахлебавшись выше некуда, на войне в жизнь вышел, семьей обзавелся, а в народе бунты пошли всякие, в Азии басмачи, и покатилося – белокитайцы, белополяки, японцы, Хасан, Халхин-гол, Польша, Финляндия, всё кого-то защищаем и освобождаем, только шинель скинешь – опять к оружию зовут...

– А семья, товарищ сержант?

– Так под немцем в оккупации, сын-то один, знаю, погиб, о другом вестей не имею... – он поднимается с земли. – Всё. Разговоры окончены. Взвод, стройся! На отработку штыкового боя – шагом марш!..

Штыковой бой – это уже полковой плац, там всякие чучела расставлены. Для нас он как надоевшая бездумная игра: отбой штыком чужого штыка, шаг вперед и прикладом справа в голову, ещё шаг и штыком коли... Ворчим, сержант слышит, но радуется:

– Точно, ума тут не надо, в этом вся мудрость боя – не голова, а само тело должно автоматом решать, куда и как штыком. Думаете, старый зануда дурью мается и вас допекает, нет, парни, потому вбивают вопреки голове вашей, чтоб всё внутри сидело и действовало само по себе, а как задумаешься – так тебя штыком и опередят...

Мы атакуем сержанта настоящим штыком, а у него в руках шест с пучком тряпья на конце, он нас им и достает, а мы штыком и прикладом отбиваемся. Потом колем, изображая злость, чучела. Халтурим. Занятие считаем никчемным, вот бы до стрельб настоящих добраться...

– Не хотите оберечь себя, – замечает сержант, – образованные, почти десятилетки у всех, а у меня два класса всего, так потому и должны вы себя беречь на войне, последние, считайте, из госрезерва. Перебьют вас – а кому дальше служить – одни бабы да малолетки остались, встала страна огромная под небеса, выше уж некуда. Кончим войну – всё заново строить надо, спецы будут нужны, инженеры, а ваш путь к ним куда ближе... Так что не игра у нас в штыки, колоть – так коли, и не толкай вроде рукой, а всем плечом...

Дальше отбиваем конную атаку. Вроде летит на нас эскадрон с шашками наголо в руке с замахом, а у нас в руках родимая трехлинейка образца восшествия последнего русского императора на престол. Сержант взбирается на пригорок:

– Смотрите, коль не успел пулей всадника снять, то одно спасение – винтовка, коль несколько вас – становитесь скорей в каре, ну, квадрат такой, и штыками со все сторон оцетинивайся, а коль один – то одно спасение – опять-таки винтовочка, двумя руками вверх над

головой и плечами ее да выверни её магазином наверх, если сабля рубанет – то все ж дополнительная защита, пока сабля в ствол врубится, да пальцы свои по цевью растяни, чтобы от острия сберечь, удар у всадника не в одной руке, он и лошадь поднимет, с такой силой ударит, страшный удар, тут уж как повезет...

– Так война моторов сейчас, с пашками на танки, – тут уж подначиваем сержанта мы.

– И до моторов дойдет, но там все равно человек сидит...

Наступает время сражения с «моторами», с танками, значит. Он у нас один, если по форме судить, а так – жестяная телега на железных колесах, поставленных на рельсы, сверху башня, из нее торчит печная железная же труба, подразумевающая пушку. Поочередно мы выходим на битву с ним, несущимся с косогора по рельсам. На подходе надо успеть бросить в него бутылку с зажигательной смесью или связку гранат, укрыться в междупутьи, пропустив его над собой, и вновь подняться и поразить таким же образом топливный бак.

Дребезжа и грохоча, жестянка проносится над тобой. Знаешь, что это игра, и что есть в междупутьи ложбинка для тела, и надо быть полным дебилом, чтоб попасть под колеса, а все равно страшновато и с первого раза ничего не получается – граната брошена раньше, в голове одна забота – поглубже втиснуться в землю и потом, когда «танк» пронесется, гранату вдогонку не успеваешь точно бросить.

– Вот вам, ребята, и мотор, – подводит итог сержант.

Испытание жестянкой прошли с первого раза немногие и у нас, и в других взводах. Хотя есть ребята, которым все удается с первого раза.

Сержант похваливает их, но не слишком, замечая:

– В природе для каждого свой процент есть: кому в плотники, кому в монахи, солдаты, чиновники, она, вишь, вроде заранее так мир устраивает, чтоб из каждого его польза для общества извлечь, тут для всякого живого и неживого у нее свои задумки есть. Ну а теперь, ребята, идем дух поднимать...

Понимаем – на политзанятия. Политрук бдительно следит, чтобы наши головы не клонились в желанной дремоте, но мы все же наловчились поочередно в кратковременный сон впадать с полуоткрытыми глазами. Жуем одну и ту же тему о мудрости, правильности, единстве и бдительности советского человека, жертвенности в пользу всего прогрессивного человечества. Ответы наши должны вылетать как пули из пулемета, что и есть свидетельство морально-политической стойкости бойца.

– В чем победа сталинской партии большевиков в революции для народа? – вопрошает политрук. – Рядовой Шишаков!

– Есть, рядовой Шишаков. В том, что вооруженные массы взяли штурмом Зимний, уничтожили капиталистов, буржуев, белогвардейцев и их покровителей из Антанты, а дальше строили богатую и счастливую жизнь всего народа, уничтожая кулаков, врагов народа, предателей и шпионов...

– Четко отвечаешь, Шишаков. Что получили народные массы?

Воодушевленный похвалой Шишаков впадает в экстаз: голос его звенит:

– Угнетенные массы, товарищ политрук, получили все: фабрики и заводы, землю, всякие богатства, красных командиров и маршалов, свободу, большевистскую партию и гения все народов великого полководца товарища Сталина во главе советской власти и партии, организатора все наших побед, освободителя других угнетены народов...

– Все, все, Шишаков, отлично, вот с таким настроением в бой и пойдем...

– Пойдем, товарищ политрук, – уже выпевает Шишаков, – как Павлик Морозов, всех предателей найдем, как Павел Корчагин – врагов уничтожать будем, и как Матросов – на амбразуры ляжем «и как один умрем в борьбе за это...»

– А кто воевать тогда будет? – шепчет Толя Баринов.

– Кто шепчет? – ловит слова политрук. – Конечно, если надо – ляжем все, но войну для товарища Сталина и народа выиграем. Глупых вопросов не задавать, главное – не слова, а чтоб в душе у каждого идейная крепость была. Все. До ужина личное на самоподготовку.

Занятия проходят в конце нашей казармы, где скамейками отделены от нар несколько отсеков: для занятий по Уставам, писания писем, рядом для чистки оружия.

А есть хочется все время нестерпимо. Мы уже обменяли за время выходов на учения у местных жителей на сушеные абрикосы, он же урюк, лепешки, кислое молоко все, что прихватили для службы из дома: носки, перчатки, ложки, миски, какие-то еще вещи, в ход пошли уже и казенные – ремни, вторые портянки, белье, ложки («проевшие» их канючат у соседей по столу, стругают сами из дерева или делают из банок, пьют баланду прямо из столовских мисок). За утрату такого имущества сыплются наряды, «губа», но это не помогает, а потом знаем: как на фронт пойдем – выдадут все.

Еда же наша по низшей тыловой норме такова: утром и вечером каша – ведро пшенки на 34 человека, гречки или риса – на сорок. Мы с вожделием и бдительно следим, как заполняется черпачок раздающего: вдруг ошибется и тебе перепадет лишний наперсток еды. За столом, а это доски, положенные на козлы, умещается человек двадцать, полвзвода; рядом ставится бочка с баландой, черпаком из консервной банки наливается эта непонятная жижа с отдельными крупинками крупы, называемая первым; если щи – то на столе стопка капустных листьев, выдающихся поштучно; на второе – каша с волокнами тушенки, солонины или такой же вымоченной рыбы.

Для нас лучший из нарядов – попасть в столовую на чистку картошки или в хлеборезку: немного, но перепасть еды может. Но лучший наряд, даже если он как наказание вне очереди, – попасть на кухню чистить котлы после каш, особенно повезет – если после гороха, он хорошо пригорает к стенкам, и, забравшись в котел с ногами, можно отдирать его и есть прикипевшими черно-коричневыми ломтями.

Гуляет по казарме слух, что к вечеру должны привезти жмых для лошадей. Начинает кучковаться народ, шептаться, как лучше добраться до него. Разбредаются по гарнизону, выискивая всякие щелочки и лазы к амбарам и складам, обхаживая постовых. И точно – вечером привозят жмых. А после отбоя и поутру можно увидеть во всяких углах солдат, дробящих камнями куски крепчайшего, наверное, со времен Гражданской войны, жмыха. У многих жующие челюсти и оттопыренные карманы. Нас ловят, обыскивают, раздают наряды вне очереди, в основном на чистку отхожих ям, но мы все жуем, сворачивая челюсти, а лошадям привозят солому.

Наряды обидны, но терпимо, а вот ночные тревоги и подъемы в любое время, когда второе после еды сильнейшее желание поспать после бегов, шагистик, учений прерывается криками «подъем!» и ты, одуревший, вскакиваешь, хватаясь за гимнастерку и галифе, – существо твое безумеет.

Вскочить с нар – одно дело, мытарства начинаются, когда лежащие у ног обмотки сваливаются и разворачиваются во всю свою змеиную длину. Рядом же стоят с часами командиры и считают секунды от «подъема» до построения; не успел улечься в норматив – начинай все снова: раз, два, три, десять – хоть весь час ложись, вскакивай и одевайся по настроению командира. Это называется отработка боевой готовности.

Мы завидуем тем, кто вместо окаянных обмоток носит сапоги, мы с презрением относимся этим матерчатым лентам на наших тощих ногах, считаем их надругательством над нашим мужским достоинством, а портянки вроде несут нам привет от старой нищей и убогой России. За что вскоре и несем кару. В первый же марш-бросок эти куски материи, кой-как обернутые вокруг стоп, сбиваются в узлы и до крови стирают ноги, а плохо накрученные и закрепленные обмотки сваливаются и цепляются за ноги.

Сержант, советы которого мы слушали вполуха, не злораден:

– Не вы первые и не последние, деревенские через эту науку сызмальства проходят, а вам, городским, снова к земле возвращаться надо, солдат-то к ней близок, – рассуждает он. – Носка в ботинке и на неделю не хватит, и тепла в нем нет. А тут ногу на уголок поставил, обернул, потом и вторую фланелевую сверху портяночку, коли холодно, каждую складочку только разгладь, иначе при ходьбе скомкается, и топай, и топай...

Сержант терпелив – сам ставит наши ноги на портянки и обертывает их.

Но от обмоток и кирзы судьба меня избавляет неожиданно. Нет моего размера маломерных ботинок, и я после долгих поисков на складе получаю высокие ботинки со шнуровкой почти до колен, вроде тех, что носили барышни до революции. Но эти, утверждает старшина, польские, а может, и английские, еще, вроде, первые авиаторы такие носили, только сверху вместо обмоток краги кожаные застегивали. Ботинки на три размера больше моей ноги, носки у них загibaются, как у Чарли Чаплина, я смехотворен, но теперь я доказываю и убеждаю командира, что обмотки сюда никак не положены, что и принимается. И еще подарок судьбы, когда нам вручают оружие. Нашему взводу везет, мы получаем не деревянные, а настоящие боевые винтовки «трехлинейки» русской армии времен Порт-Артура. А мне опять не хватает. По росту я самый маленький, мой рост немногим больше ста сорока сантиметров, поэтому при построениях я замыкающий шеренгу и взвод и шагаю в одиночестве самым последним в строю. Конечно, и во всяких очередях я последний, и мне почти всегда чего-то недостает, но от этого бывает иногда и выгода.

Из тех же неведомых интендантских запасов, что и ботинки, получаю я винтовку, по виду – охотничье ружье, но она боевая и хорошего калибра, с магазином на несколько патронов, не торчащим, как у наших наружу, а спрятанным внутри. Она коротковата, с недлинным штыком-ножом, но фирма западная, знаменитая золлинговская сталь, и это уже такие, позднее выявившиеся достоинства, что зависть к ней, как и попытки изъять у меня ее, стали общими в роте.

С этой винтовочкой отбил я от необходимости носить ее на плече, это когда строй движется в торжественном марше с поднятыми вверх штыками, приклад упирается в ладонь левой согнутой руки, а магазин лежит на ключице плеча; красиво идет строй, шаги отбивают такт, колышутся в том же ритме вздыбленные штыки – картинка к песне «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет» (Ворошилов, значит). Гоняют солдат ради такого парада безмерно столетиями. А я свою винтовочку ношу за плечом на ремне; увидев меня на плацу, поперхнулся комбат и немедля призвал на разборку комроты и меня. Но я отбил с миром, доказал, что иначе нельзя – строй испорчу, а так, единственный замыкающий, даже гармонию вношу, как завершающую точку в движении. И еще одна хвала. Азиатская природа со своим песком хуже наждака для оружия, при форсировании всяких препятствий у наших трехлинейек ржа так и ползет по металлу, особенно в стволах, откуда ее ершами с щелочью и всякими составами часами выводишь, сталь, говорят, наша непроваренная и без добавок, оттого просто железная, а мою тряпочкой с маслом легонько приласкал – и блестит повсеместно. Попала винтовочка к нам, видно, при очередном разделе – освобождении Польши в тридцать девятом году.

Нахваляю я эту винтовочку со сталью немецкой, но сержант замечает:

– Ты насчет германцев помалкивай, говори – польская, бельгийская, они для нас теперь вроде союзники и поработенные народы, которых освобождать надо от фашистов...

Сержант к немцам вроде нейтрален и разговоры на эту тему придерживает, хотя иногда и замечает:

– На юге Украины их колонистами называют, там они, говорят, от императрицы Екатерины селиться начали. Ладные домишки у них из кирпича, крыши под черепицей, в хозяйстве порядок: конюшни, амбары, копильни, а рядом – наши с зеленоватыми плесневелыми соломенными крышами и глинобитными полами-мазанками; у них колбасы и пиво свое, у нас –

сало, галушки и самогоном залейся. После Петра немцы все больше нами правили, побьем их сейчас в очередной раз, может бы и объединиться нам под управлением товарища Сталина и политбюро... Руссы, пруссы, росы тысячу лет назад, наверное, сродственники были... Организованный там народ, а мы – как перекасти-поле, страна у нас большая, пустот много, а душа наша широкая, любопытства в ней много, и все никак определить не можем, с каким народом мы ближе всего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.